

Шанова З.К. Рец.: Е.Ю. Иванова. Логико-семантические типы предложений: неполные речевые реализации

Рец.: Е.Ю. Иванова. Логико-семантические типы предложений: неполные речевые реализации. СПб., 2003 //Славяноведение. 2005. № 2. С. 119-123.

Книга Е.Ю.Ивановой посвящена исследованию неполных речевых реализаций логико-семантических типов (ЛСТ) предложений – бытия, идентификации, характеристики. Эти разные по семантике предложения имеют одинаковую синтаксическую структуру – предложения номинативной формы. Актуальность исследования несомненна: вопрос о семантике и структуре предложений номинативной формы имеет противоречивые лингвистические решения. Исследователи приходят к мысли о том, что субъектно-предикатный и подлежащно-сказуемый разбор предложений номинативной формы не объясняет сути предложений этой структуры. В работе предлагается анализ номинативных построений с точки зрения логико-семантического и коммуникативного синтаксиса, вводится понятие неполных речевых реализаций логико-семантических и структурно-семантических типов предложений. Это позволяет описать конструкции, имеющие одинаковую форму, но различные по семантике.

В работах Н.Д.Арутюновой, Е.Н.Ширяева ранее уже говорилось о возможной трактовке предложений номинативной формы как модификаций того или иного ЛСТ. Но мысль о речевых модификациях логико-синтаксических структур высказывалась только в отношении номинативов бытийного значения и в качестве отдельных замечаний – в связи с рассмотрением однословных идентифицирующих предложений.

Целью исследования Е.Ю.Ивановой явилась разработка принципов интерпретационного анализа изоморфных речевых реализаций предложений разных ЛСТ и применение этих принципов к русскому и болгарскому языкам. В качестве основы для лингвистической гипотезы была выбрана классификация предложений, проведенная на логико-семантических основаниях Н.Д.Арутюновой (1976). Опора на этот подход позволила обратиться к речевым модификациям предложений разной семантики и предположить, что номинативное построение, которое способно входить в сообщаемое любого ЛСТ, является изоморфной неполной реализацией в рамках логико-семантической типологии предложений. Это определило основные направления исследования. Во-первых, доказательство изоморфизма потребовало от автора выявления общих черт ЛСТ, присущих полным и неполным реализациям, и поиска семантических, грамматических или стилистических различий, которые сопутствуют речевым модификациям логико-синтаксических структур. На материале болгарского языка, где в данном направлении ранее не велись исследования, была осуществлена логико-семантическая классификация предложений, выявлены имеющиеся неполные реализации и их отличие от русского языка. Среди славянских языков болгарский наиболее интересен в этом отношении как типологически отличающийся наличием ряда специфических грамматических характеристик. В работе особое внимание уделяется а) принадлежности болгарского языка к группе языков *habere*-типологии, б) эксплицитному выражению категории определенности/неопределенности, в) обязательности связки в именном сказуемом, г) отсутствию форм именного склонения.

Второй областью внимания автора является собственно исследовательское направление – разработка и применение интерпретационно-доказательных методик, позволяющих установить семантику выявленных в тексте номинативных образований и проверить применимость этих принципов к болгарскому языку.

Решение этих задач осуществлялось на основе логико-семантического и семантико-прагматического подхода к изучению

предложения, который учитывает референциальный статус именных компонентов и способы соотнесения номинативных конструкций с элементами контекста, в которых особым образом организуются и возмещаются недостающие элементы логико-семантической структуры.

В работе уделяется внимание **бытийному** ЛСТ. Его семантическая структура, как известно, и в полной реализации не однозначна, т.к. сообщаемое предложении не только касается идеи бытия объекта, но и вводит его основные таксономические признаки. Когда же речь идет об однокомпонентном варианте, встает вопрос о том, чем и как выражается бытийное значение в номинативном построении и последовательно ли оно выражается. Автором выявлены средства, способствующие выражению бытийных логико-семантических отношений при реализации только одним компонентом, и условия, при которых однокомпонентный вариант из-за распада полной трехчленной бытийной структуры не остается в рамках бытийного типа. Поскольку локализатор смещен в предшествующее предложение, его обстоятельственные функции и организующая роль совсем не очевидны. В этом случае основная семантическая нагрузка ложится на синтаксические возможности опорного существительного, поэтому одной из важнейших задач исследования явилось изучение синтаксических свойств лексических классов, формирующих номинативное высказывание.

Из других семантических типов номинативных конструкций особенно интересным в работе представляется исследование предложений **идентификации**. Однокомпонентные их реализации значительно более устойчивы в своей семантике, т.к. отношения в них рефлексивны и замкнуты на один объект. Возникает ряд сложностей, связанных с отграничением идентифицирующих предложений от других однооформленных: от именующих (когда в номинативном сегменте находится имя собственное), от характеризующих (включенных в начальные этапы опознавательного процесса), а проблема различения бытийных и идентифицирующих предложений типа *Пожар! Самолет! Командир!* традиционно считается сложной. Эти вопросы решаются выявлением

пресуппозиций высказывания, определением денотативного статуса именных групп и прагматических установок говорящего.

Способы формирования мысли и, соответственно, виды лексико-семантических отношений в русском и болгарском языках едины, но конструкции, реализующие тот или иной ЛСТ, различны. В главе 4, предлагающей анализ **болгарского языка на фоне русского**, рассмотрены способы формирования идентифицирующих, характеризующих и именуемых предложений, выявлены специфические для болгарского языка конструкции, предложены способы разграничения разных по семантике биноминативных структур и их неполных вариантов. Важная роль отводится анализу артиклевой маркированности рематической именной группы: наличие/отсутствие определенного артикля хоть и отражает коммуникативные интенции говорящего, но все же не является определяющим фактором при семантической дифференциации именного построения, т.к. правила артиклевой маркировки и семантико-прагматические установки не совпадают. Ср. оформленность определенным артиклем идентифицирующей и характеризующей именных групп: *През дърворезба от бръчки едва-едва се разгатват същите черти. Майката* (Б.Димитрова) и *Висока жена минава край мен... До нея по-млада. Явно дъщерята* (П.Тушков).

Самый большой раздел сопоставительной части исследования Е.Ю.Ивановой посвящен **бытийным** предложениям болгарского языка, в которых находят отражение важные типологические особенности. Во-первых, болгарский язык относится к группе языков, в которых для выражения обладания используется модель с личным глаголом *имам/нямам*, отличная от сообщений о существовании с безличным глаголом *има/няма*, ср. *Имам куче; Нямам кола* и *В гората има вълци; Тук няма стол*. В современном русском языке для тех и других сообщений используется одна и та же модель с локативным оформлением области бытия, в том числе и посессора, ср. рус. *У меня есть собака; В лесу есть волки*. Второе существенное отличие болгарских и русских полных бытийных предложений также связано с активностью предиката *habere*,

который не только выражает посессивность, но и (в виде безличного глагола *има/няма*) значительно потеснил глагол *съм* в сфере ядерных экзистенциальных значений.

Таким образом, в болгарских бытийных предложениях используется прежде всего безличный глагол *има*, хотя в ряде позиций сохраняется и глагол *съм*. Болгарские исследователи (Р.Ницолова, С.Стоянов, И.Недев) связывают различия в конструкциях с *има* и *съм* обычно с лексическими и референциальными ограничениями. Е.Ю.Иванова рассматривает экзистенциальные предложения в болгарском языке с точки зрения логико-семантических принципов анализа и выявляет интересные закономерности построений предложений с данными глаголами, обнаруживая в них семантические, денотативные и прагматические отличия.

Автор исследования выявляет базовую коммуникативно-референциальную модель бытийного предложения – конструкцию с глаголом *има* и именем объекта бытия в общей форме. Центр бытийного поля составляют коммуникативные варианты, в которых значение бытийности входит в коммуникативный фокус высказывания, т.е. в рему высказывания, или отмечено акцентным выделением: *Има все пак честни хора; Добри ученици в класа имаше, но нямаше отличници; Има ли желаещи? Такива хора вече ги няма по света..*

Предложения с глаголом *съм* автор относит к периферии поля бытийности. Определённая форма имени объекта бытия не допустима в бытийных предложениях. Е.Ю.Иванова доказывает, что употребление определённых именных групп в предложениях с *съм* есть следствие введения идентифицирующей информации в бытийное предложение, что создаёт, как и в русских предложениях, контаминированную структуру: *В куфара има дрехи. – В куфара са зимните ми дрехи*, сохраняющую бытийное значение в тех случаях, когда идея бытия входит в состав сообщаемого.

Интересны наблюдения Е.Ю.Ивановой над употреблением *има* и *съм*, когда грамматически возможны обе конструкции. Говорящий

выбирает, учитывая знания собеседника, один из двух способов построения сообщения о существовании: а) говорит об объекте как о чем-то новом для адресата и тогда использует *има*-конструкцию и общую форму существительного (*До вратата има бюро*) или б) присоединяет собеседника к сфере своих знаний, употребляя глагол *съм* и определенную форму существительного (*До вратата е бюрото*). Как пишет автор, речь идет об “интимизирующем” (подключающем адресата) стиле изложения путём “навязывания” собеседнику **презумпции общего знания**. Так, представляя памятник Петру I, говорящий выбирает *съм*-предложение: *На площада е паметникът на Петър I*, но сообщение о памятнике гораздо менее известной личности будет, вероятно, оформлено *има*-предложением: *Срещу тази сграда има паметник на адмирал Крузенштерн – организатор и началник на първата руска околосветска експедиция*.

Важной характеристикой бытийных предложений с *съм*, как считает Е.Ю.Иванова, является семантика заполненности пространства указанными предметами, следствием чего является требование семантической координации объемов пространства и включенных в него объектов: *В ъгъла на стаята е бюрото; До прозореца е дъската*; ср.: **В стаята е бюрото; *В аудиторията е дъската*.

Противопоставление предложений с *има* и *съм* (по крайней мере с предметными именами) во многом напоминает, по мнению автора, оппозицию глагольных и безглагольных бытийных предложений в русском языке. Проведенный анализ позволил доказать, что классические бытийные предложения (с глаголом *есть* в русском языке и с глаголом *има* в болгарском языке) обладают набором близких характеристик и закономерностей выражения бытийного значения в коммуникативно сильных позициях. Болгарские предложения с *съм*, как и русские безглагольные предложения, находятся на периферии поля бытийности. Е.Ю.Иванова отмечает, что в языках, где одна и та же лексема способна выполнять и связочные, и бытийные функции, непременно существует группа структур, как пишет автор, «зоны риска», т.е. включающих этот глагольный компонент с неотчетливой семантической границей.

Особенно это заметно в русских бытийных предложениях, которые используют только лексему *есть* в качестве и бытийного, и связочного глагола. Но те же признаки периферийности демонстрирует и болгарское *съм*. Затемненность логико-семантического статуса экзистенциальных моделей с *съм* особенно проявляется в предложениях, сообщающих о состояниях и временных отрезках. *бюрото*). Как пишет автор, речь идет об “интимизирующем” (подключающем адресата) стиле изложения путём “навязывания” собеседнику **презюмции общего знания**. Так, представляя памятник Петру I, говорящий выбирает *съм*-предложение: *На площада е паметникът на Петър I*, но сообщение о памятнике гораздо менее известной личности будет, вероятно, оформлено *има*-предложением: *Срещу тази сграда има паметник на адмирал Крузенштерн – организатор и началник на първата руска околосветска експедиция*.

Важной характеристикой бытийных предложений с *съм*, как считает Е.Ю.Иванова, является семантика заполненности пространства указанными предметами, следствием чего является требование семантической координации объемов пространства и включенных в него объектов: *В ъгъла на стаята е бюрото; До прозореца е дъската*; ср.: **В стаята е бюрото; *В аудиторията е дъската*.

Противопоставление предложений с *има* и *съм* (по крайней мере с предметными именами) во многом напоминает, по мнению автора, оппозицию глагольных и безглагольных бытийных предложений в русском языке. Проведенный анализ позволил доказать, что классические бытийные предложения (с глаголом *есть* в русском языке и с глаголом *има* в болгарском языке) обладают набором близких характеристик и закономерностей выражения бытийного значения в коммуникативно сильных позициях. Болгарские предложения с *съм*, как и русские безглагольные предложения, находятся на периферии поля бытийности. Е.Ю.Иванова отмечает, что в языках, где одна и та же лексема способна выполнять и связочные, и бытийные функции, непременно существует группа структур, как пишет автор, «зоны риска», т.е. включающих этот глагольный компонент с неотчетливой семантической границей.

Особенно это заметно в русских бытийных предложениях, которые используют только лексему *есть* в качестве и бытийного, и связочного глагола. Но те же признаки периферийности демонстрирует и болгарское *съм*. Затемненность логико-семантического статуса экзистенциальных моделей с *съм* особенно проявляется в предложениях, сообщающих о состояниях и временных отрезках.

В работе анализируются номинативные конструкции, употребленные в текстах экспрессивного синтаксиса. Актуализирующая проза относится к контекстам, усложняющим семантическую и синтаксическую интерпретацию неполных реализаций ЛСТ. Расчлененный тип изложения способствует появлению разнообразных конструкций номинативной формы. Не все они являются предложениями. Но вынос парцеллята за рамки базового предложения, по наблюдениям автора, дает возможность более свободного семантического и синтаксического поведения субстантивной группы. Разрыв связей отчлененного субстантива с базовым предложением сопровождается семантическими сдвигами и может получить грамматическое выражение вплоть до изменения формы определенного артикля с краткой на полную: *Никой не познава вкуса на снега. Той сега го знае. Студен и твърд като железо. **Вкусът на смъртта*** (Б.Димитрова).

Хочется отметить не только общеметодологическую, но и методическую ценность выводов и наблюдений Е.Ю.Ивановой для преподавания болгарского языка как иностранного. В этом отношении наиболее важными представляются разделы, затрагивающие следующие вопросы: 1) способы построения болгарских предложений идентификации и именованности; 2) особенности артиклевой маркированности предложений разных семантических типов; 3) специфика формирования бытийных предложений с глаголами *има* и *съм*, в частности, стилистико-прагматические и семантико-денотативные ограничения при употреблении предложений с разными бытийными глаголами.

Исследование Е.Ю.Ивановой, осуществленное на обширном корпусе текстов русской и болгарской современной художественной прозы

(11 тыс. примеров), относится к фундаментальным работам в области семантического и коммуникативного синтаксиса. Оно выполнено в русле современных идей, реализующих логико-синтаксический и семантико-прагматический подходы к изучению предложения и текста.